

ЯАН. ЫЙСПУУ (Таллин)

ГЛАГОЛЫ РУССКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ФОРМЫ ИХ ИНФИНИТИВА I В ТИХВИНСКОМ ГОВОРЕ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Тихвинский говор карельского языка имеет распространение в 14 деревнях Бокситогорского района Ленинградской области. Отдельные карельские семьи встречаются также в обрусевших, бывших карельских, и исконно русских деревнях. Многие представители младшего поколения обосновались в Пикалево, Тихвине, Ефимовке, Бокситогорске и т. д.

Продолжающийся более трех столетий контакт с местными русскими говорами наложил отпечаток как на тихвинский говор карельского языка, так и на русский язык, которым пользуются проживающие здесь карелы. Одно из весьма существенных проявлений взаимоотношений между относящимися к разным семьям языками — это влияние на лексику.

Непосредственное соприкосновение тихвинского говора с русским языком привело к самому прямому проникновению русской лексики в карельский язык. Большую часть заимствований составляют существительные. Однако заимствуются также глаголы, прилагательные, наречия, союзы, предлоги и послелог, частицы, довольно часто используются русские числительные. Такое массовое заимствование лексики обусловлено, с одной стороны, социальными факторами, с другой, — психическими (Баранцев 1965 : 38).

Значительный слой русских заимствований в тихвинском говоре образуют глаголы. Их можно распределить на четыре группы. В основе такой группировки лежит не столько время заимствования, сколько место того или иного заимствования в рассматриваемом говоре.

К первой группе относятся глаголы, которые попали в карельский язык в далеком прошлом в результате непосредственных контактов прибалтийско-финских и восточнославянских (по Я. Калима, и более далеких славянских) племен, т. е. их можно назвать славянскими заимствованиями (Kalima 1952 : 26). Я. Калима в своем перечне приводит 29 глаголов (собственно-карельский диалект). З. М. Дубровина, рассматривая ливвиковский диалект, в том же перечне отмечает 25 глаголов русского происхождения (Дубровина 1979 : 63). Глаголы этой группы имеют свое определенное место не только в рамках отдельного говора или языка, но и в лексике нескольких или даже всех прибалтийско-финских (а также более далеких родственных) языков. К таким глаголам можно отнести, например, в тихвинском говоре *ristie* 'крестить', ср. ливвик. *ristie*, вепс. *ristta*, вод. *rissiä*, эст. *ristida*,

лив. *rištā*, фин. *ristiä* (*ristitä*) < рус. *крестить* (Kalima 1952 : 149—150); *luadie* 'делать, готовить', ливвик. *loadie*, люд. *luadida*, вепс. *latta*, вод. *lādittā*, эст. *laadida* 'sprechen' < рус. *ладить* (Kalima 1952 : 112); *ruadua* 'работать, делать', ливвик. *roadoa*, люд. *ruatta*, вепс. *rata*, эст. *raadama* (диал.), фин. *raataa* < рус. *страда, страдать* (Kalima 1952 : 146). Подобных глаголов довольно много. Время их заимствования не должно обязательно совпадать. Определенно одно — появились они в языке задолго до переселения карелов в современный ареал тихвинского говора.

Вторую и более обширную группу составляют заимствованные из русского языка глаголы (точно известно, что они вошли именно из русского языка), которые широко используются в языке, однако наряду с ними применяются глаголы финно-угорского происхождения. Названные эквиваленты (синонимы) семантически могут совпадать полностью или частично. Например: *brihat äijän juočetaa* (*juolletaa*) (Сел.) 'парни пьют много' — *mänöbi turanjalla da propeiččo* (Рягоев 1977 : 173), 'и идет в Турандино и пропьет'; *kōža tāmā küllä šellšša on srojittu* (Сел.) 'когда эта деревня Селище построена' — *hüö šalvettij pētie* (Сел.) 'они построили дом' или ... *postroiffšō dvortsaq* (Leskinen 1932 : 125 11) 'строит дворец'; *vedi šuappuq kiiuguqn alda ... keŋgieffši* (Leskinen 1932 : 107 25) 'вытащил сапоги из-под печки ... обул' — *vihmō, pidā šuappuat obuiččieččie* (Сел.) 'дождь идет, нужно сапоги надеть'; *vōjamma* (*v ojjam ma*) *nāmā kaikki borazet ... ka ni šüömmä* (Рягоев 1977 : 265) 'все эти сборочки смажем маслом и едим' — *ših trupkaq zamuazin* (Рягоев 1977 : 252) 'замазал трубку'; *issuin kurillin* (Рягоев 1977 : 245) '(я) сидел, курил' — *šavu! šavu! ota polta!* (Сел.) 'кури, кури, возьми, закури'; *snopašta paššimma* (Рягоев 1977 : 89) 'пахал за сноп' — *pidi kündie i külvie i leikata* (Рягоев 1977 : 269) 'нужно было пахать, сеять и убирать'; *šidän naleijaq čuajulla vielä vettä* (Дуб.) 'потом чай доливают водой' — *kumakkuu mužikat kartohkat värči* (Сел.) 'насыпайте, мужики, картошку в мешок'; *kondie tuloq a mie n pöläššü* (Сел.) 'медведь идет, но я не боюсь' — *hiän milma isprügi* (Сел.) 'он испугал меня'; *kalalla torguidji* (Рягоев 1977 : 240) 'торговали рыбой' — *hüö ... kaloi müvvetä* (Утл.) 'они продают рыбу'. Часто глаголы русского происхождения и карельские эквиваленты употребляются даже в одном и том же предложении: *tagokkuu händä (zakuigua) nāgluço* (Leskinen 1932 : 130 36) 'бейте, добейте его до глухоты', *kūšaiče, sokola, šüö* (Лог.) 'ешь, дорогой гость (букв. 'ястреб, сокол'), ешь'.

Третью и по объему самую большую группу образуют самые новые по происхождению глаголы, которые вошли в тихвинский говор вместе с новыми понятиями и терминами, а также с появлением в языке наименований новых отраслей деятельности. В самом русском языке возраст этих глаголов тоже отнюдь не велик. Поскольку обучение в средней школе идет на русском языке, широко используются средства массовой коммуникации на русском языке, тихвинские карелы имеют возможность восполнять пробелы в карельской лексике с помощью русских заимствований.

К этой группе относятся, однако, и в языке в целом уже давно и широко известные глаголы, а также глаголы, связанные с религиоз-

ными ритуалами. Например: *brizni heidä molembje vejellä* (Leskinen 1932 : 118 8) 'обрызгал их обоих водой', *ɣvattięffši što hüö ollah uijittu* (Leskinen 1932 : 111 16) 'достаточно, что они уже ушли', *prokopaičši gorašta läbi loukoq* (Leskinen 1932 : 111 30) 'прокопал дыру сквозь гору', *poiga pereidi tällä puolella* (Leskinen 1932 : 112 10) 'парень перешел на эту сторону', *kuimba händä spruavittii* (Рягоев 1977 : 242) 'как его лечили, вылечили', *kaikk oli rozorittu külät* (Кор.) 'все деревни были разрушены', ... *miksi šie minutta venčaičit* (Рягоев 1977 : 64) 'почему без меня обвенчались', ... *ruvetah kqoža blahoveštimah* (Leskinen 1932 : 126 21) 'когда начнется благословение', ... *kaikin udiviečšettih* (Leskinen 1932 : 126 36) 'все удивились', *ni ken ei voinu stuppiečšie heih* (Leskinen 1932 : 115 27) 'никто не мог на них наступить', *midä šie pūtaičet* (Сел.) 'что ты болтаешь, что ты путаешь', *valofka miušta knigaq sostuavi* (Сел.) 'Володька составил обо мне книгу'.

В четвертую группу входят русские глагольные формы, непосредственно влетающие в карельскую речь. Например: *hoč govorat što* (Рягоев 1977 : 269) 'хотя и говорят, что ...', *o hospodi pomilui, spaši, sohraňi* (Рягоев 1977 : 260) 'о, боже, пощади, спаси, защити', *nüttem prosti* (Leskinen 1932 : 106 7) 'теперь прости', ... *tprukajut i nukajut* (Рягоев 1977 : 271) '... тпрукают и нукают', *müö häneňke pozdoruofališ* (Нов.) 'мы поздоровались с ним', *skaziťe, šanō, vot mne tudā šanō* (Рягоев 1977 : 271) 'скажите, говорит, вот мне надо туда (идти), говорит', *miyla vähä prišloš* (Рягоев 1977 : 63) 'мне пришлось почти', *davaiťe vīnuu juomaq* (Сел.) 'давайте водку пить', *elä dūmai, što mie põläššün* (Сел.) 'не думай, что я испугаюсь, бояться буду'. Общее распространение получили и в русском языке широко употребляемые *davai(te)*, *ɣvatit*, *načit* (рус. *значит*) и т. д. Использование таких русских выражений в карельской речи очень индивидуально, зависит от образования, области деятельности, биографии и других факторов.

При заимствовании лексики из одного языка в другой последний берет только основу слова. Показатели и окончания при этом заменяются соответственно своими показателями и окончаниями. В результате словоизменение (в данном случае это касается глагола) происходит по аналогии. Эталоном служат модели своего языка. Заимствованная основа слова (основа глагола) автоматически по аналогии относится носителями языка к какому-нибудь словоизменительному типу, другими словами: заимствованная основа помещается в систему словоизменения. Затем изменение слова происходит по соответствующей модели. Этому процессу подчиняются не только спрягаемые, но и падежные формы глагола, в том числе инфинитивы.

Количество инфинитивов в разных прибалтийско-финских языках различно. В эстонском и водском языках выделяется два инфинитива (Ariste 1948 : 84—85). В вепском языке признаны четыре инфинитива (Зайцева, Муллонен 1972 : 738), о количестве инфинитивов в финском языке существуют разные мнения. Одни считают, что их четыре (Елисеев 1955 : 661), по мнению других, например, их пять (Alvre 1969 : 136—139). Разница обусловлена тем, признаются ли падежные формы двух основных инфинитивов (*-da* и *-ma*) самостоятельными инфинитивами или нет.

По той же причине встречаются различные мнения и о количестве

инфинитивов в карельском языке. Г. Н. Макаров в собственно-карельском диалекте (калининский говор) выделял три инфинитива, причем II и III инфинитивы он отождествлял с герундиями (Макаров 1966 : 73). По мнению П. Пальмеос, в валдайском говоре карельского языка два инфинитива. Показателями инфинитива I являются *-nna/-nnä*, *-lla/-llä*, *-rra/-rrä*, *-šša/-ššä*, *-šša/-ššä*, *-ija/-ijä*, *-va/-vā*, показателями инфинитива II *-mah*, *-mäh* (Palmeos 1962 : 65—66). В тихвинском говоре различаются два инфинитива: показатели инфинитива I — *-a/-ä*, *-ta/-tä*, *-e* (Рягоев 1977 : 153), инфинитива II — *-ma(a)/-mah*, *-mä(ä)*, *-mäh*. Показателями инфинитива I у двусосновных глаголов с основой на *l*, *n*, *r*, *š*, *š*, а также одноосновных с односложной основой на дифтонг являются *-ja/-jä*, *-la/-lä*, *-na/-nä*, *-ra/-rä*, *-sa/-sä*, *-va/-vā* (см. также Рягоев 1977 : 154). *-a/-ä* и *-e*, присоединяясь к гласному основы, дают дифтонги *ua* (< *u + a*), *ie* (< *ä + ä*) (Там же).

Если рассмотреть размещение заимствованных из русского языка глагольных основ в инфинитиве I тихвинского говора, выяснится, что показатели инфинитива I имеют различную нагрузку. Наибольшее распространение имеют *-(i)e* и *-ja* (из-за основ с гласными заднего ряда отсутствует соответствие переднего ряда *-jä*). Инфинитив I с *ua* в поздних заимствованиях не встречается.

Показатель инфинитива I *-(i)e* в исконных карельских глаголах образовался путем сложения *ä + ä* (*ie* < *ä + ä*): *külmie* (*külmä-*), *ñittie* (*ñitä-*), *e* (*koškíe* (*košše-*), *itkie* (*ite-*), *ñülgie* (*ñülle-*)). Причины, по которым русские глаголы в инфинитиве I большей частью принимают именно этот показатель, следует искать прежде всего в русской морфологической структуре глагола, точнее сказать — в основе. Не будем касаться чередования ступеней, которому глаголы русского происхождения тоже частично подвергаются (*uidie* : *uijin* < рус. *уйти*, *zakaffie* : *zakafin* < рус. *закатить*, *skokkie* : *skokin* < рус. *выскочить*), русский глагольный тип, будучи заимствованным карельским языком, в общих случаях в морфологическом аспекте остался неизменным. В русском языке, если показателю инфинитива *-ть* предшествует *и* (тем самым *-ить*), глаголы образуют первую группу, что дает в карельском языке инфинитив I с показателем *-(i)e*. Так образованы встречающиеся в тихвинском говоре глаголы русского происхождения: *blahoveštie* < рус. *благовестить*, *sporíe* < рус. *спорить*, *napjualie* < рус. *напялить*, *priglaššie* < рус. *пригласить*, *sotvořie* < рус. *натворить*, *zakuššie* < рус. *закусить*, *zaberíe* < рус. *собирать*, *ubedie* < рус. *убеждать*, *peřesuššie* < рус. *пересушить*, *podarie* < рус. *подарить*, *ulučšie* < рус. *улучшить*, *uderžie* < рус. *удержать*, *grobie* < рус. *грабить*, *rogubie* < рус. *погубить*, *rozvalie* < рус. *развалить*, *žuarie* < рус. *жарить*, *zastuavie* < рус. *заставить*, *ruañie* < рус. *ранить*, *pilíe* < рус. *пилить*, *kazñie* < рус. *казнить*.

Показатели *-(i)e* в инфинитиве I получают при заимствовании тихвинским говором и те глаголы, которые в русском языке имеют показатель инфинитива *-сти*. Например: *proidie* < рус. *пройти*, *podvedie* < рус. *подвести*, *razvedie* < рус. *развести*, *uidie* < рус. *уйти*, *vjidie* < рус. *выйти*. Причины этого следует искать в использовании русским языком носителями тихвинского говора и в местном русском диалекте. В типе *идти* тихвинские карелы к русскому показателю инфинитива добавляют *-ть*. Таким образом в их речи выступает т. н. двойной инфинитив в типе *идти*: *идти + ть*, *пойти + ть* и т. д. Явление объяснимо аналогией, языковой логикой носителей языка. Эту аналогию можно

обозначить как аналогию второго уровня (аналогия первого уровня — это распределение заимствованных карельским языком русских глагольных основ по словоизменительным типам на базе аналогии с разными морфологическими показателями своих карельских глаголов); O — основа:

$$\left. \begin{array}{l} (*küntädäk > *kündää) > künd-i-e \\ идти > идти + тъ \end{array} \right\} \rightarrow O-i-e (vęidie)$$

Ниже опишем механизм аналогии. Чтобы глагольной основе, заимствованной из русского языка, найти соответствующий тип в карельской словоизменительной системе (в данном случае нас интересует инфинитив I), следует в карельском языке подобрать эталон, у которого показателю инфинитива I *-e* предшествует *i* (пусть таким глаголом будет *kündie* 'пахать'). В заимствованном из русского языка глаголе, отделив показатель инфинитива *-тъ(ся)*, получаем основу инфинитива, оканчивающуюся на *-i*, затем добавляем показатель карельского инфинитива и имеем *-(i)e*. Тем самым: *благославить* < *благослави-* < *blahoslov-i-e*.

Упомянутая выше аналогия второго уровня наличествует еще в рамках русского языка, где к одному инфинитиву русского языка на *-ти* добавляется по аналогии (*говори-тъ, служи-тъ*) *-тъ*. В карельском языке показатель инфинитива русского языка *-ти* оказывается в составе основы (*vęidie*). *d* (*t > d*) как смычный подчиняется чередованию ступеней (*uidie: uijin*).

Тот же механизм действует и в случае заимствования русских глаголов с инфинитивом на *-сть*. Например: *грызть* > *грызт-и-тъ* > *grįzie*.

Продуктивным показателем инфинитива I русских глаголов, заимствованных тихвинским говором, является *-ja*, которому в русском языке соответствуют инфинитивы на *-ать, (-ять), -овать, -еть, -нуть*. Например: *fotografirūja* < рус. *фотографировать*, *venčāja* < рус. *венчать*, *tolkāja* < рус. *толкать*, *nabludāja* < рус. *наблюдать*, *rokiūja* < рус. *покаяться*, *obrovñāja* < рус. *подровнять*, *prigodēja* < рус. *пригодиться*, *zdūtāja* < рус. *задумать*, *vorūja* < рус. *воровать*, *šnitāja* < рус. *снимать*, *pruazniūja* < рус. *праздновать*, *roviniūja* < рус. *повиноваться*, *starāja* < рус. *стараться*, *stirāja* < рус. *стирать*, *prodūja* < рус. *продавать*, *nalivāja* < рус. *наливать*, *zarabōtāja* < рус. *заработать*, *roskuaziŋvāja* < рус. *рассказывать*, *zahotfeja* < рус. *захотеть*, *otpravlāja* < рус. *отправлять*, *vidāja* < рус. *выдавать*, *probegāja* < рус. *пробегать*, *zdavāja* < рус. *сдавать*, *sromināja* < рус. *вспоминать*, *zabolēja* < рус. *заболеть*, *propēja* < рус. *пропевать*, *řjanstvūja* < рус. *пьянствовать*, *nazvāja* < рус. *назвать*, *ispugāja* < рус. *испугать*, *torgūja* < рус. *торговать*, *prokorāja* < рус. *прокопать*, *pripasāja* < рус. *припасать*, *nakrōja* < рус. *накрывать*, *podježžāja* < рус. *подъезжать*, *zaprešāja* < рус. *запрещать*, *naživāja* < рус. *называть*, *ivažāja* < рус. *уважать*, *predavāja* < рус. *преподавать*, *revnūja* < рус. *ревновать*, *spasāja* < рус. *спасать*, *gadāja* < рус. *гадать*, *zbēja* < рус. *сбить*, *primečāja* < рус. *примечать*, *profekāja* < рус. *протекать*, *rozvle-kāja* < рус. *развлекаться*, *nadojēja* < рус. *надоест*.

Как ясно из примеров, показателю инфинитива *-ja* могут предшествовать *-a-* (*ispugāja, gadāja, zamečāja*), *-e-* (*zahotfeja, nalēja, zabolēja, zbēja*), *-u-* (*torgūja, revnūja, vorūja, dūja*), *-o-* (*nakrōja, zapōja*).

В основе настоящего времени появляется показатель *-če* : *spasāja* : *spasaiče*-, *zamečāja* : *zamečaiče*-, *dūmāja* : *dūmaiče*- и т. д., выступает чередование $\bar{a} \sim ai$, $\bar{e} \sim ei$, $\bar{o} \sim oi$ (см. также Рягоев 1977 : 23). Такое же фонетическое явление свойственно исконно карельским словам, например, *pāja* 'молотить', *nāja* 'жениться' (Рягоев 1977 : 23).

Как отмечает З. М. Дубровина, в ливвиковском диалекте карельского языка основа глаголов русского происхождения указывает в свою очередь на 2-е лицо единственного числа повелительного наклонения. Таким образом: *torguija* < рус. *торговать* (*торгуй*), *tolkuija* < рус. *толковать* (*толкуй*) (Дубровина 1979 : 63). В ливвиковском диалекте показателю инфинитива I предшествует дифтонг.

Как свидетельствуют приведенные выше примеры, показателю инфинитива I *-ja* в тихвинском говоре предшествует не дифтонг, а долгий гласный. Тихвинский говор воспринял основу настоящего времени изъявительного наклонения. В русском языке глаголы на *-ова-ть*, *-ыва-ть*, выражающие незаконченное действие, имеют в основе настоящего времени *y*: *образовать* : *образу-ет*. Ударному *y* русского языка в карельском соответствует $\bar{u}$, o — $\bar{o}$, e — $\bar{e}$, a — $\bar{a}$. Как уже отмечалось, тихвинский говор заимствовал основу настоящего времени изъявительного наклонения, от которой образована и форма 2-го лица единственного числа повелительного наклонения. Тем самым *образу-* > кар. *obrazū-* + карельский показатель инфинитива I *-ja* : *obrazūja*. Не только в глаголах, но и в других заимствованных из русского языка словах формирование $\bar{a}$ в тихвинском говоре прodelало следующий путь: рус. *a* > кар. *ai* > кар. $\bar{a}$ (Рягоев 1977 : 15). Это относится к заимствованным из русского языка глаголам с инфинитивом на *-ать*, где основы инфинитива и изъявительного наклонения сходны (*бегать* : *бега-ет*), например, *dūmāja* < рус. *дума-ть* : *дума-ет*, *ispugāja* < рус. *испуга-ть* : *испуга-ет*. В русском языке отсутствует разница между основами инфинитива глаголов с инфинитивом на *-ять* и настоящего времени (*гул-ять* : *гул-яет*). Следующий за палатализованным согласным ударный рус. *a* (орф. *я*) в тихвинском говоре выступает палатализованным (Рягоев 1977 : 15): *obrovñāja* < рус. *обровнять*, *otpravlāja* < рус. *отправлять*, *zagotovlāja* < рус. *заготовлять*.

Показатель инфинитива *-ja* встречается и в заимствованных из русского языка глаголах тихвинского говора, которые в русском языке имеют показатель инфинитива *-еть* и у которых сходны основы инфинитива и настоящего времени: *nalēja* < рус. *налеть*, *nadojēja* < рус. *надоесть*.

Рассматриваемый карельский показатель инфинитива I принимают и те заимствованные из русского языка глаголы, которые в русском языке в инфинитиве имеют *-нуть* и *-овать*. У этих глаголов совершенного вида в русской основе настоящего времени *y* уже не выступает (*крикнуть* : *крикн-ет*). В карельском языке *y* сохранился: *revñija* < рус. *ревновать*.

Вернувшись еще раз к тому факту, что в других ареалах карельского языка (ср. Дубровина 1979 : 63; Palmeos 1962 : 65) показателю инфинитива *-ja* предшествует дифтонг, а не долгий гласный, как в тихвинском говоре, можно отметить, что тихвинский говор в своем фонетическом развитии прошел на одну ступень больше. Например, в отношении $\bar{a}$: рус. *a* > кар. *ai* > кар. $\bar{a}$. Таково же развитие *e*, *o* и *u*. Правда, дифтонг в ударном слове в тихвинском диалекте вокализировался, кроме заимствований, и в исконно карельских словах: *nāja* 'жениться' < *naija* < *naiḁak. Наличие дифтонговых форм в тихвинском говоре нельзя отрицать полностью. Отдельные такие формы встречаются в

тихвинских текстах, опубликованных Э. Лескинемом (Leskinen 1932), в наши дни изредка можно услышать такие формы, однако в подобных случаях второй компонент дифтонга сильно занижен.

Инфинитив на *-e* имеют также возвратные глаголы с основами, заимствованными из русского языка. К заимствованной основе присоединяется карельский возвратный суффикс *-(i)čče-* (Маркианова 1979 : 27). Ср. карельские глаголы *lebieččie* 'отдыхать', *juoččie* 'пить, напиться', *käbristeliččie* 'смеяться', *elällelieččie* 'прозябать', *laškieččie* 'лечь'. Из русского языка заимствованы, например, следующие глаголы: *zaiñtaiččieččie* < рус. *заниматься* (ср. *zaiñmāja*), *sobiraiččieččie* < рус. *собираться* (ср. *sobirāja*), *nažiñvaiččieččie* < рус. *называться* (ср. *nažiñvāja*), *sohranaiččieččie* < рус. *сохраняться* (ср. *sohrañāja*), *rozgulaiččieččie* < рус. *разгуляться* (ср. *rozgulāja*), *postaraiččieččie* < рус. *постараться* (ср. *postarāja*).

Группировку глаголов, заимствованных из русского языка, соответственно показателям инфинитива I в тихвинском говоре можно представить в виде таблицы.

Показатели инфинитива в тихвинском говоре	Показатели инфинитива в русском языке						
	<i>-ать</i>	<i>-ять</i>	<i>-овать</i>	<i>-еть</i>	<i>-ить</i>	<i>-нуть</i>	<i>-ти</i>
<i>-(i)e</i>					<i>-(i)e</i> <i>čči-e</i>		<i>-(i)e</i>
<i>-ja</i>	<i>ā-ja</i>	<i>(ñ)ā-ja</i> <i>(l)ā-ja</i>	<i>ī-ja</i>	<i>ē-ja</i>		<i>(n)ī-ja</i>	

Сокращения

Дуб. — Дубровка, Кор. — Корыстелево, Лог. — Логиново, Нов. — Новинка, Сел. — Селище, Утл. — Утликово.

ЛИТЕРАТУРА

- Баранцев А. П. 1965, Случай мены языка и речи у карел-людиков. — Прибалтийско-финское языкознание 5, Ленинград, 38—41.
 Дубровина З. М. 1979, Глагол русского происхождения в карельском языке. — Симпозиум 79, Петрозаводск, 62—65.
 Елисеев Ю. С. 1955, Краткий грамматический очерк финского языка. — Финно-русский словарь, Москва.
 Зайцева М. И., Муллонен М. И. 1972, Словарь вепского языка. Ленинград.
 Макаров Г. И. 1966, Карельский язык. — Языки народов СССР III, Москва, 61—101.
 Маркианова Л. Ф. 1979, О порядке расположения и сочетаемости словообразующих суффиксов в производном карельском глаголе. — СФУ XV, 26—33.
 Рягоев Д. В. 1977, Тихвинский говор карельского языка, Ленинград.
 Alvre, P. 1969, Soome keeleõpetuse reeglid, Tallinn.
 Ariste, P. 1948, Vadjja keele grammatika, Tartu.
 Kalima, J. 1952, Slaavilaisperäinen sanastomme, Helsinki.
 Leskinen, E. 1932, Karjalan kielen näytteitä I. Tverin ja Novgorodin karjalaa, Helsinki.
 Palmeos, P. 1962, Karjala Valдай murrak, Tallinn.

VERBEN RUSSISCHER HERKUNFT UND DEREN INFINITIV I IN DER TICHVINER MUNDART DES KARELISCHEN

Die Tichviner Mundart des Karelischen wird in 14 Dörfern des Boksitogorsker Rayons (Leningrader Gebiet) gesprochen.

Schon über drei Jahrhunderte haben die Tichvin-Karelier unmittelbare Kontakte mit Russen gehabt. Das hat folglich seine Spuren in Sprache und Kultur hinterlassen. Eine wichtige Erscheinung dieser Beziehung ist der Einfluß auf die Lexik. Neben anderen Wortarten wurden aus dem Russischen in großer Anzahl Verben entlehnt, die man nach ihrer Stellung innerhalb des Wortschatzes dieser Mundart in vier Gruppen einteilen kann. In die erste gehören Verben, die nicht nur im Karelischen sondern auch in anderen verwandten Sprachen auftreten (*rist'ie* 'taufen' < russ. *крестить*). Zur zweiten Gruppe zählen die Verben, die in der Sprache weit verbreitet sind, mit denen jedoch parallel auch Verben finnisch-ugrischer Herkunft angewandt werden (*zamuazin* — *vöjin* 'ich strich'). Die dritte und gleichzeitig umfangreichste Gruppe bilden Verben, die zusammen mit neuen Begriffen in die Mundart eingegangen sind; ebenfalls religiöse Rituale bezeichnende Verben (*blahovešt'imah* 'segnen' russ. *благовестить*, *nasturaja* 'angreifen, überfallen' russ. *наступать*). In die vierte Gruppe gehören direkt russischsprachige in den karelischen Sprachgebrauch verflochtene Verbformen (*müö häneņke pozdoruafal'is* 'wir begrüßten uns mit ihm gegenseitig').

Bei der Entlehnung der Lexik übernimmt die entlehrende Sprache den Wortstamm. Grammatische Merkmale und Endungen werden durch eigene ersetzt, wobei als Vorbild der Flexion die Modelle der eigenen Sprache gelten. Diesem Prozeß unterliegen auch die Infinitive. Die produktiven Suffixe des Infinitiv I der aus dem Russischen entlehnten Verben sind in der Tichviner Mundart *-ja* und *-(i)e*. In der russischen Sprache stehen für das Infinitivsuffix *-ja* *-овать*, *-ать*, *-ять*, *-еть* und *-нуть*. Das Suffix des Infinitiv I *-(i)e* wird angewandt, wenn beim russischen Verb *-ить* oder *-ти* auftreten. Verben russischer Herkunft mit gleichem Suffix kann man auch unter den Reflexiva finden.